

В заключении хотелось бы сказать, что Запад заинтересован не в Украине, а в дестабилизации России. США и ЕС предприняли все возможные шаги, чтобы конфликт затягивался, а экономика России падала. Однако Россия предпринимает резкие шаги, чтобы конфликт закончился намного быстрее, вследствие чего практически все попытки создать дисбаланс неэффективны. Также мы не можем утверждать, что биполярный мир уже наступил, однако Россия нацелена на создание своего полюса и идёт к этому верными и плодотворными шагами.

Список использованной литературы и источников

1. Жильцов С.С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 2. С. 138–150.

2. Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономический и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4. С. 42–59.

3. Фененко А.В. Парадокс информационных войн [https:// rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/](https://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/).

4. Алексеев В.Ю. Роль Мюнхенской речи В.В. Путина в конкретизации внешней политики России // Альманах мировой науки. 2019. №10 (36). С. 63–64.

*Рубцова В.Ю., г. Ижевск,
Удмуртский филиал Уральского отделения Российской академии наук
Научный руководитель: Пономарев А.М., доктор философских наук,
Удмуртский филиал Уральского отделения Российской академии наук*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРАХ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Прежде чем говорить о политике памяти, обратимся к понятию памяти как таковой. М. Хальбвакс в этом контексте говорит о разделении истории и памяти, где история предстает как картина измене-

ний, а память как картина сходств [1, с. 18–27]. Действительно, если мы вспомним даты в учебниках по истории – они фиксируют изменения: например, к власти пришел князь Олег, отменили крепостное право в 1861 году, появилась конституция 12 декабря 1993 года. Правил князь Рюрик, стал править князь Олег – это изменение.

В период 1994–2004 гг. в России каждый год отмечался и был выходным день конституции 12 декабря, – это картина сходств. Было важно для российской идентичности отмечать этот праздник, а впоследствии стало менее важно, появилась другие «красные даты» в календаре. На примере одной даты, 12 декабря, мы в первом случае преследовали цель «фиксирования изменений», в момент появления конституции, а во втором – «сохранение идентичности», в моменты празднования этой даты каждый год. Далее при обращении к политике памяти, нас будет интересовать именно «память» в понимании М. Хальбвакса и сохранение идентичности.

Еще один автор, обращающийся к понятию памяти, Пьер Нора. Он разделяет истинную память и память-историю [2, с. 21]. Первое он характеризует как «переживаемую связь с вечным настоящим». Это практики, которые не нуждаются в увековечивании, поскольку и так повторяются постоянно. Празднуемый в Удмуртии Гербер или Гырон быдтон, можно отнести к таким примерам на этапе, когда люди верили, что мольбы об урожае действительно помогают. В случае истории-памяти связь с вечным настоящим уже утрачена, мы пытаемся понять смысл практик, но больше не выполняем их. Увеличивается детализация трактовок, количество текстов, мы создаем огромное количество архивов, увеличивая объем накопительной памяти. Принимая во внимание, что в нашем настоящем, по П. Нора, мы «навсегда оторваны от традиции» [3], единственное, к чему мы можем обращаться – это память-история. Соответственно далее, при рассуждении о политике памяти, мы будем использовать термин «память» именно в этом значении.

Перейдем к понятию, которое интересует нас в рамках темы, это политика памяти. Его место в понятийном аппарате следующее. Это часть символической политики, которую О. Малинова определяет как «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение / навязывание определенных способов интер-

претации социальной реальности в качестве доминирующих» [4, с. 5–28]. Также мы будем понимать политику памяти как рациональное действие в сфере истории. Таким образом, политика памяти – деятельность политических акторов, в том числе, описание этой деятельности, направленная на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих в сфере истории. Далее мы рассмотрим две функции политики памяти: легитимацию существующей власти и удовлетворение потребности в идентичности. Понятия «политика памяти» и «историческая политика» будем считать взаимозаменяемыми.

Опишем структуру политики памяти – ее стратегии, направления и тенденции. А. Ассман выделяет две стратегии работы с прошлым – гордиться и преодолевать [5]. В рамках первой стратегии польский исследователь Patryk Wawrzyński приводит пример Ирины Сендлер, которая спасла 2500 еврейских детей из Варшавского гетто [6, с. 1–23]. В рамках второй стратегии мы можем назвать кейс из Германии, где общество осудило использование бывших концлагерей для учений с применением слезоточивого газа [7, с. 261–272]. Для России примеры данных стратегий – «Бессмертный полк» и «Бессмертный барак». Первое – база с данными о солдатах Великой Отечественной войны, и также формат празднования дня Победы 9 мая, второе – база жертв политических репрессий.

Помимо стратегий работы с прошлым, А. Ассман говорит о двух направлениях политики памяти: политике самоутверждения и политике покаяния. В первом случае мы выбираем одну из трех ролей: роль победителя, одолевшего зло, роль мученика, противостоящего злу и роль пассивной жертвы. Второе направление характеризуется принятием негативной истории, способностью взять ответственность за преступления, легитимацией права на ошибку [8, с. 246].

Тенденции российской исторической политики опишем на примере исследования О. Малиновой предновогодних посланий Федеральному собранию президентов России. Оно проводилось методами контент-анализа и дискурс-анализа, в процессе которых были выделены следующие смысловые блоки: прошлое как фон, прошлое как пример, преемственность прошлого и настоящего. Две из описанных категорий – «прошлое как пример» и «преемственность», – не

только обеспечивают легитимацию власти, но и имеют в своем итоге конструирование идентичности. Объектом внимания в выступлениях президентов являются события новейшей истории, при этом крикуются конкретные исторические события, а положительные моменты истории представлены «в общем» [9, с. 368–389]. Также существует некая «зацикленная» область функциональной памяти в терминологии А. Ассман, наполненная определенным репертуаром событий, к которым удобно обращаться, например, победа в Великой отечественной войне, послевоенное восстановление страны, жизнь представителей российской культуры, успехи советской космонавтики [9, с. 387]. С позиции государства мы видим «размытые ориентиры», героев, признанных таковыми во всем мире, с позиции общества имеем дело с повторяемым репертуаром значимых событий. При этом государственная историческая политика не стремится к обновлению функциональной памяти.

Политика памяти как область политики появилась в Германии, и была, несомненно, политикой покаяния. История в ней была представлена не как череда одних только побед, за счет чего сформировалась более целостная картина исторического становления. Власть использовалась государственными агентами политики памяти не только для утверждения во власти, но и для проработки негативного прошлого. Еще одной характерной чертой являлась легитимация права на ошибку или легитимация власти как рефлексирующего субъекта. В России политика памяти получила иные черты. Это, безусловно, политика самоутверждения. В качестве гражданских инициатив появляются такие проекты как «Бессмертный полк», пример политики самоутверждения, который успешно копируется государством, и «Бессмертный барак», пример политики покаяния, остающийся неподдержанным. Государство использовало и продолжает использовать прошлое для легитимации собственной власти, выбирая роль победителя, одолевшего зло. Коллективная идентичность базируется на повторяемом репертуаре событий, функциональная память обновляется только за счет негосударственных инициатив в области работы с прошлым.

Список использованной литературы и источников

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. с. 8 –27.
2. Нора П, М. Озуф Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17–50.
3. Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (08/05/2019).
4. Малинова О.Ю. Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5–28.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова - М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
6. Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1–23.
7. Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The journal of social policy studies. p. 261–272.
8. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
9. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной исторической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с. с. 368–389.